

УДК 81'38
ББК 81.2-5

Н.А. Ковалева

ПИСЬМО КАК ВИД КОМПОЗИТА*

Рассматривается частное письмо как специфический вид композита, который обладает тремя параметрами: структурным, содержательным и стилистико-речевым. На материале письма А.П.Чехова своему брату Ал.П. Чехову от 19 января 1895 г. представлено описание этих параметров.

Ключевые слова: *композит, подкомпозит, структурный, содержательный и стилистико-речевой параметры.*

Ковалева Наталья Анатольевна – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова
Тел.: 8 (499) 373-66-01

Членение текста на относительно самостоятельные по смыслу и структуре фрагменты всегда привлекало внимание лингвистов. Подобное членение связывалось с синтаксической организацией текста: тематико-смысловое и ритмо-мелодическое членение текста было рассмотрено Л.А. Булаховским (сверхфразовые единства), А.М. Пешковский ввел понятие сложного синтаксического целого, которое впоследствии использовалось с уточнениями Н.С. Поспеловым, В.В. Одинцовым, Н.А. Николиной и др. Обобщающее текстовое решение вопроса предложил Г.Я. Солганик, введя понятие прозаической строфы.

Корреляцию авторского абзацного членения и исследовательского структурно-содержательного членения предложила Е.И. Диброва: абзац является минимальной авторской единицей текста, композит же – это «минимальная структурно-содержательная единица текста: обладает относительной автономностью и законченностью структуры содержания. Композит является компонентом низшего членения текста» [Диброва, с. 123]. Композитная сегментация текста связывает композицию текста и ее отдельные фрагменты, композит в таком понимании является минисочинением в тексте произведения.

Письмо, являясь минисочинением, представляет собой эксплицитно выраженный композит: оно характеризуется глубокими

смысловыми скважинами, определяемыми локально-темпоральной прерывистостью между автором и читателем письма. Пространство эпистолярного текста обладает релевантностью объективной членимости, в связи с чем он представляет собой «разорванную» нелинейную конфигурацию.

Письмо как специфический вид композита обладает тремя параметрами: структурным, содержательным и стилистико-речевым, которые связаны функционально. При таком подходе композит рассматривается как целостная речевая подсистема, объединенная единой эстетической направленностью.

К структурному параметру композита относится рамочность письма, что выражается в наличии трех рамок, в отличие от композитов в иных текстах – художественных, публицистических и др. Первая рамка обладает пространственно-временной ориентацией – место и время написания эпистолы; в одних случаях эта рамка является первым внешним кольцом письма, определяющим авторские проекции текста: здесь – сейчас – Я (Б. Рассел, Э. Бенвенист); в иных случаях это лишь «полукольцо» хронотопа, которое фиксируется в зависимости от воли, привычки, лингвосоциальной манеры либо в начале письма, либо в конце письма после подписи автора. Эпистолярный хронотоп выполняет констатирующую функцию места и времяпребывания автора. Вторая рамка – это обращение к адресату и подпись адресанта, которые выполняют прямую функцию контактоустановления автора и получателя письма. Тип отношений между коммуникантами начинается именно с демонстрирования лексико-фразеологического наполнения рамки.

См. в письме к Ал.П. Чехову: «Разбойник пера и мошенник печати!» – *«Твой недоброжелатель»*; к А.Н. Плещееву: *«Здравствуйте, дорогой Алексей Николаевич!»* – *«Душевно преданный дебютант Антуан Чехов»*. Фатика второй рамки может представлять «полукольцо»: в письме к О.Л. Книппер А.П. Чехов дает лишь нижнюю рамку: *«Твой А.»*. Отсутствие адресованности определяется личностным характером отношений с адресатом – супружеством, дружбой, близким знакомством, сходством литературных взглядов и др.

Третью рамку в композите (структуре письма) составляет собственно содержательная рамка, представляющая собой вступительную часть повествования в письме, преамбулу содержания. Конечную позицию содержания представляет резюме, которое подводит итог изложенного выше содержания письма.

Композит (текст письма) может быть представлен одним абзацем, может включать несколько абзацев. В целом же по своей семантике письмо может передавать тему сообщения, микротемы и субмикротемы, которые, как правило, изложены абзацем или частью абзаца, отдельными самостоятельными предложениями или их частями.

Содержательный параметр композита определяется тематической основой послания, обусловленной ролевыми отношениями, в которых

состоят коммуниканты. Письмо является типом текста, тематика и язык которого полностью определяются отношением коммуникантов.

Письмо А.П. Чехова к своему брату Ал. П. Чехову от 19 января 1895 г., написанное в стиле юморесок Антоши Чехонте, эксплицирует содержательную структуру этого композита (письма), которая четко членится на вступительно-заключительную часть гиперонимического содержания – и преамбула и резюме отчленены абзацно, точно так же, как обращение и подпись, что составляет каноническую форму структуры и смысла композита. Серединная часть композита членится на три микротемы, первые из которых выделены абзацно и нумерациями, последняя – лишь абзацно.

«Владыко!

Я имею полное основание не курить твоих сигар и бросить их в нужник, так как я до сих пор еще не исполнил ни одного твоего поручения.

1) *Насчет «Русских ведомостей». Главный редактор Соболевский, мой хороший знакомый, уехал за границу. Осталось 11 неглавных, от которых трудно добиться какого-нибудь толку. Если припишешь корреспонденцию, то она будет утеряна, ее не найдут, и ты не будешь знать, к кому обратиться. Из Петербурга в «Русские ведомости», кроме Буквы, пишут еще несколько (здесь и далее подчеркнуто А.П. Чеховым) человек. Повторяю: единственное, что пока возможно для тебя в «Русских ведомостях» – это давать беллетристику, которая оплачивается, кстати сказать, недурно. Когда Соболевский вернется, я поговорю с ним.*

2) *Рассказ твой очень хорош, кроме заглавия, которое положительно никуда не годится («Отрепленные и уволенные». – Разъяснение Н.К.). Меня растрогал рассказ, он весьма умен и сделан хорошо, и я пожалел только, что ты засадил своих героев в сумасшедший дом. То, что они делают и говорят, могли бы они делать и говорить на свободе, и последнее было бы художественнее, ибо болезнь, как болезнь, имеет у читателя скорее патологический интерес, чем художественный, и больному психически читатель не верит. Вообще ты прогрессируешь, и я начинаю узнавать в тебе ученика V класса, который не мог бы, а уже может лучше. Твою повесть я отдам в «Русскую мысль» или в «Артист», а если не боишься деления, то в «Русские ведомости». Придумай новое заглавие, менее драматическое, более короткое, более простое. Для роющего попа (в финале) придумай иные выражения, а то повторяешь Базарова-отца. Повесть будет лежать у меня в портфеле до 27-го, затем я сдам ее. Январская, февральская и мартовские книжки уже абонированы, и ты все равно не успеешь попасть в них.*

Я уезжаю в деревню, где проживу до 27 января.

Ты прочел мне длинную рацею насчет «протекции»¹. А по-моему, это очень хорошее, довольно выразительное слово. Даже дачи бывают

¹ Ал. П.Чехов писал: «...если я когда-либо обращусь к тебе с просьбой, не смотри на это как на посягательство на твою протекцию. У меня этого и в уме нет. К тому же и слова "протекция" я не выношу и значения его терпеть не могу».

*с протекцией. И почему не оказать протекции, если это полезно и при-
том никого не оскорбит и не обидит? Протекция лишь тогда гадка,
когда она идет рядом с несправедливостью.*

Одним словом, ты пуговица.

Пиши и будь здоров, как бык.

Упрекающий тебя брат твой

А. Достойнов-Благороднов».

Микротема первого подкомпозиита – это совет А.П. Чехова своему брату не посылать репортерские заметки в «Русские ведомости». Микротеме второго подкомпозиита составляет оценка А.П. Чеховым рукописи рассказа «Отрешенные и уволенные», которую прислал ему брат с просьбой послать ее в какую-нибудь редакцию. Последний, третий подкомпозиит – своеобразная нотация А.П. Чехова о «пользе протекции». Стимулом-реакцией этой нотации послужило высказывание его брата в написанном письме.

Большой интерес представляет семантика и структура письма А.П. Чехова, классического примера семантико-структурной организации композитного устройства. Обращает на себя внимание общая антитетичность содержания, которая отражает, с одной стороны, интимно-дружеские отношения коммуникантов и, с другой стороны, частно-деловой характер письма.

Рассмотренный выше композит является классическим образцом структурно-семантической параметризации. Он представляет собой литературно-тематическую общность, интегрирует текст. Связность текста обеспечивается непрерывностью повествования, несмотря на микротематическое членение повествования. Подкомпозииты отграничены друг от друга смысловыми скважинами, которые преодолеваются следующими средствами связности: а) интродуктивным фрагментом письма – его гиперонимическим введением: «*Я до сих пор еще не исполнил ни одного твоего поручения*»; б) нумерацией 1-го и 2-го подкомпозиитов, обладающих собственным зачином: «*1) Насчет “Русских ведомостей” ...*»; «*2) Рассказ твой очень хорош...*»; в) скважинность 3-го подкомпозиита может быть преодолена лишь знанием фрагмента из письма брата: «*Ты прочел мне длинную рацею насчет “протекции”*».

Каждый из подкомпозиитов обладает также собственным резюме: а) 1-й подкомпозиит: «*Когда вернется Соболевский, я поговорю с ним*»; б) 2-й подкомпозиит: «*Январская, февральская и мартовская книжки уже абонированы, и ты все равно не успеешь попасть в них*»; в) 3-й подкомпозиит выражает этическую нормативность А.П. Чехова в сфере помощи ближнему: «*Протекция лишь тогда гадка, когда она идет рядом с несправедливостью*».

Стилистико-речевой параметр композита характеризует систему художественных средств выражения, которые выявляют субъектный и оценочный планы автора композита. Вопрос о речевом наполнении композита как единства структуры и содержания требует рассмотрения расположения единиц тематики: «описание ситуации», «изложе-

ние причин и доказательств», «изображение действия», «рассуждение», «обстановка» и т.п. Соотнесенность содержания – тем, сюжета и стилеречевого выражения выявляет не только структурное устройство композита, но и «раскрывает динамическую направленность речевой структуры, ее тесную связь с развитием художественной семантики» [Барлас, с. 26].

Параметризация единиц эпистолярного текста является актуальной проблемой семантики и стилистики малой литературной художественной формы, какой является эпистолярный. Художественная семантика целого композита неоднородна по структуре содержания и семантики единиц текста.

Основной тон эпистолярный является суперсегментным средством параметризации, в нем выражены: иллокуции и интенции автора, адресатная направленность, жанр текста, лексико-фразеологические и синтаксические языковые средства, «интонация повествования», создаваемая авторской идиосферой, организующей целостность нелокализованных параметров. Сегментные же, частные параметры отражают речевой аспект уровневых единиц языка, которые могут приобрести текстовое звучание, воплощающее авторский эстетический взгляд на излагаемое.

Стилистико-речевая характеристика эпистолярный рассматривает реалии «материи» письма. Так, общая стилистика письма соответствует тону и духу писательской манеры Чехова и пронизана семантической и стилевой антитетикой.

Противопоставленность начинается с обращения и подписи: «Владыко! *‘титул архиерея’*» – «А. Достойнов-Благороднов *‘почтенно-высоконравственный человек’*», где соотнесены высокая и пародийно-комическая семантика. Пародийность подчеркнута составным антропонимом – двойной фамилией, что было свойственно представителям высшего общества и литературным деятелям: Шеллер-Михайлов, Мусин-Пушкин, Ордин-Нащокин, Скопин-Шуйский, Бестужев-Марлинский, Бестужев-Рюмин и др. Внутренняя форма двойной фамилии «Достойнов-Благороднов» в ее обыденной мещанской символике передает чеховскую эмотивную оценку.

Преамбула и резюме обладают иной двойственностью смыслов: они амбивалентны как по своим внутренним, так и внешним характеристикам. См. преамбулу: «*Я имею полное основание не курить твоих сигар и бросить их в нужник*» – «*так как я до сих пор еще не исполнил ни одного твоего поручения*» и резюме: «*Одним словом, ты пуговица. Пиши и будь здоров, как бык*» – «*Упрекающий тебя брат твой*». Первая часть постулирования обладает сниженностью стиля, что определяется лексемами «*нужник*», «*ты пуговица*», «*здоров, как бык*», вторая же часть несет иную манеру: в преамбуле – деловая интенциональность проблемы «*так как я до сих пор еще не исполнил ни одного твоего поручения*»; в конце резюме «*Упрекающий тебя брат твой*» – вежливая просьба о прощении за вышеизложенную критику (см. подкомпози

№ 2) и ответную нотацию по поводу протекции; лексический повтор «тебя», «твой», констатация родства – «брат» нейтрализуют обвинение причастия упрекающий, смягчая стилистику неодобрения.

Антитетика свойственна и подкомпозитным устройствам: в первом подкомпозице эксплицитно противопоставлены лексико-синтаксические конструкции: «Главный редактор уехал» – «Осталось 11 неглавных, от которых трудно добиться какого-нибудь толку»; «в "Русские ведомости", кроме Буквы, пишут еще несколько человек» и т.д.

Антитезность конструкций основывается на лексических антонимах «главный – неглавный» и текстовых «пришлешь корреспонденцию» – «будет потеряна», «не будешь знать, к кому обратиться», «Буква» – «несколько человек».

Первый подкомпозиит обладает стилистической уничижительностью как за счет негативных членов в антитезной антонимической паре, так и общей оценки состояния издательского дела в «Русских ведомостях», где качество издаваемой продукции определяется Соболевским.

Повествование второго подкомпозиита также антонимично. Начиная с первой амбивалентной фразы «Рассказ твой очень хорош, кроме заглавия, которое не годится», противоречивость удовольствия и не-удовольствия сохраняется практически во всем эпистолярном тексте: «Ты засадил своих героев в сумасшедший дом» – «могли бы они делать и говорить на свободе, и последнее было бы художественнее, ибо <...> больному психически читатель не верит»; «Ты прогрессируешь, и я начинаю в тебе узнавать ученика V класса»; «придумай новое заглавие, менее драматическое, более короткое, более простое» и т.д.

Диалектика противоположных оценок не разграничивает, а объединяет универсум текста рассказа; стилистическая значимость фигур речи – оксюморона, антитезы придает чеховскому тексту не только духовно-практическое знание творчества, но и поэтический образ его познания. Последний подкомпозиит включает понимание меры и содержания чеховской протекции, которая в данном случае также обозначается стилистикой оксюморона: «протекция гадка, когда она рядом с несправедливостью». Писатель сам характеризует понятие «протекции» как «очень хорошее, довольно выразительное слово, если она полезна, не оскорбляет, не обижает никого». С помощью антонимических знаков Чехов анализирует литературное творчество брата и излагает эстетические постулаты: они возникают как знание об общении, как бытовое знание, связанное с нормами общежития и жизнедеятельностью людей, как культурное знание, обеспечивающее преемственность традиций. Духовно-практическое знание, давая образ мира сквозь призму авторских иллокуций и интенций, учит тому, как следует относиться к миру и самому себе. Письма А.П. Чехова – это род умозрения, инициация, опыт как акт возрождения самого себя в своих глубинах. И антитетика как противопоставленность понимается

художником слова в высшем назначении творчества – в синтезе противоположностей. Такова суперсегментация средств речевой структуры эпистоляриев Чехова, ее основной фон и дух.

Как отмечалось выше, сегментные речевые единицы обеспечивают уровневую языковую ориентацию композита. Фоносемантические приемы в тексте немногочисленны: «здрав, как бык», ассонансная аллитерация типа Достойнов-Благороднов и др. Основную «комедию» корпуса составляет лексико-фразеологический состав эпистолы: это и архаика фразеологии «*прочел рацею*» (устар. разг.) 'длинное назидательное рассуждение', «*ропиущий поп*»; и многочисленная лексическая антонимия, отмеченная выше (словосочетательная и предложенческая в ее разнообразных стилистических фигурах – антитезах, оксюморонах и др.), и словесная игра со словом «протекция» 'влиятельная поддержка со стороны кого-либо, содействующая устройству чьих-либо дел'. Употребляясь в языковом социуме, слово имеет негативную коннотацию, лексический же четырехкратный повтор в последнем абзаце подкомпозиции, выполняя усилительную функцию, нейтрализует в тексте свою негацию авторским комментированием, добавляя собственное чеховское юмористическое сознание: «*Даже дачи бывают с протекцией*». Лингвистический афоризм Чехова о значении слова имеет прямое отношение к этому случаю: «...Одно и то же слово имеет тысячу значений и оттенков, смотря по тому, как оно произносится, по форме, какая придается фразе» (Чехов «Сильные ощущения»).

Речевое ироническое и шутливое поле создается личностными формами изложения, характеризующимися единством субъектной принадлежности. Эмотивность субъективной модальности в эпистолярной записи выполняет демонстративную функцию речевого общения и позволяет создать полифоничность коммуникативного акта, присоединяя свою роль к художественной выразительности эпистолы. Резюме-подпись включает в свой состав две лексемы: «пуговица» и «бык», которые обладают личностно-семейным спектром коннотаций. А.П. Чехов в переписке с братьями использовал именованья одежды или ее аксессуаров: «*Не будь штанами*», «*Не будь шляпой*» и др. Эвфемизм «пуговица» имеет значение шутливой бранности, ироничности ('эх ты' как выражение упрека) и приобретает, на наш взгляд, некоторую символику семантики, включающую целый репертуар оттенков: 'необходимость скрепления названия и текста рассказа', 'выражение огорчения', 'приобретение художественного «украшения» при исключении патологии описания' и т.д.

Слово же «бык», выступая в составе фразеологизированной конструкции «здрав, как бык», имеет текстовые значения – 'приобретение литературной силы', 'осознание тяжести литературного труда' и 'пожелание преодоления трудностей'.

Речевая организация эпистолярных текстов А.П. Чехова определяется их композиционным устройством, которое в целом сложно и многослойно, оно принадлежит и языковой семантике, и речевой

индивидуализации. В эксплицитно-имплицитном виде эпистолярные поля заключают и целостность авторской личности, и художественные тенденции творчества, и всю ту историческую традицию художественной культуры письма, на которую опирается А.П. Чехов.

Литература

- Барлас Л.Г.* Язык повествовательной прозы Чехова. Ростов-н/Д., 1991.
Диброва Е.И. Пространство текста в композитном членении // Структура и семантика художественного текста. М., 1999. С. 91 – 138.
Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма в 12 т. М., 1983.